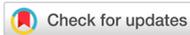

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ламзина А. В. Латинский код в «рамe текста» сборника «Cor Ardens» / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 250—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272.

Lamzina, A. V. (2025). Latin Code in “Frame of Text” of Collection “Cor Ardens”. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 250-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Латинский код
в «рамe текста» сборника
«Cor Ardens»**

Ламзина Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0001-6464-9675
Scopus Author ID: 58683496200
кандидат филологических наук,
департамент иностранных языков
alamzina@mail.ru

Московский
физико-технический институт
(национальный исследовательский
университет)
(Долгопрудный, Россия)

**Latin Code
in “Frame of Text”
of Collection “Cor Ardens”**

Anna V. Lamzina
orcid.org/0000-0001-6464-9675
Scopus Author ID: 58683496200
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages
alamzina@mail.ru

Moscow Institute
of Physics and Technology
(National Research University)
(Dolgoprudny, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена латинскому «рамочному тексту» одного из ключевых стихотворных сборников Вяч. Иванова «Cor Ardens». Рассматриваются вопросы семантики и символики латинских элементов в заголовочном комплексе, объединяющем названия разных уровней иерархической структуры издания: сборника как макро-цикла, разделов-книг, входящих в него, циклов, отдельных стихотворений. В качестве материалов привлекаются элементы рамы текста: заглавия, подзаголовки, эпиграфы и посвящения. Поднимается вопрос о важности латинского кода в раме текста, в связи с тем, что удельный вес цитат и высказываний на латинском языке в рамочных элементах многократно превышает иные культурные, лингвистические и исторические отсылки. Доказано, что латинский код прочитывается через античную и христианскую оптику и выстраивает метасюжет сборника: от тяжелого переживания утраты близкого человека до мистического опыта общения с духом умершей и принятия неизбежного. Новизна исследования видится в том, что вопрос рамы текста в сборнике «Cor Ardens» не отрефлексирован в отечественной науке и не связывается с культурной и научной деятельностью Вячеслава Иванова. Предлагается классификация функций «латинского кода»: смыслообразующая, символическая, интертекстуальная, аксиологическая и пр.

Ключевые слова:

рама текста; латинский код; Вячеслав Иванов; эпиграфы; посвящения; заглавия; заголовочный комплекс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the Latin “frame of text” within one of the key poetic collections by Vyacheslav Ivanov, titled “Cor Ardens.” It examines the semantics and symbolism of the Latin elements present in the title complex, which encompasses titles at various hierarchical levels of the publication: the collection as a macro-cycle, the sections or books it contains, cycles, and individual poems. The analysis draws on elements of the text’s frame, including titles, subtitles, epigraphs, and dedications. The significance of the Latin code within this frame is highlighted, particularly given that the proportion of quotations and statements in Latin within these framing elements far exceeds other cultural, linguistic, and historical references. It is demonstrated that the Latin code is interpreted through both ancient and Christian lenses, constructing a meta-narrative for the collection that traverses from the profound experience of loss to a mystical communion with the spirit of the deceased and the acceptance of inevitability. The novelty of this research lies in addressing the text’s frame in “Cor Ardens,” a topic that has not been reflected upon in domestic scholarship and is not linked to Vyacheslav Ivanov’s cultural and scientific activities. A classification of the functions of the “Latin code” is proposed, including meaning-making, symbolic, intertextual, axiological, among others.

Key words:

frame of text; Latin code; Vyacheslav Ivanov; epigraphs; dedications; titles; title complex.

Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens»

© Ламзина А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вячеслав Иванов — ученый и поэт, идеи которого во многом определили вектор развития литературы Серебряного Века. Салон Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал «Башня», проводивший собрания по средам, стал точкой притяжения самых известных людей эпохи. Идеи, которыми обменивались на «башне», нашли отражение в том числе в так называемом «башенном тексте», в число которого входит книга Вячеслава Иванова «Cor Ardens» [Башня ..., 2006, с. 3], посвященная им памяти супруги. Это обуславливает важность анализа «Cor Ardens» в контексте смыслов и направлений Серебряного века.

«Cor Ardens» отличается большим разнообразием видов и форм рамы текста [Ламзина, 2024, с. 241], включающей в себя «заглавия, подзаголовки, эпиграфы и посвящения, авторские предисловия, послесловия, авторские примечания и даты» [Кихней и др., 2021, с. 113], которые «формируют метасюжет книги, задают ее основные семантические линии и обуславливают порядок расположения текстов внутри книги» [Там же]. Рама текста в «Cor Ardens» представлена заглавиями книги, ее разделов, циклов внутри разделов, многочисленными эпиграфами — к книге в целом, к ее разделам, к циклам и к отдельным стихотворениям, а также посвящениями, которые предпосланы всему тексту, разделам и отдельным произведениям. Эти элементы рамочного текста иерархически организованы и складываются в своеобразный «диалог с посвященными», позволяющий читать произведения Вячеслава Иванова как на «профанном», так и на «сакральном» уровне. О двухуровневой организации его текстов говорит С. А. Титаренко, связывая это противопоставление «сакрального» и «профанного» с топосом Древнего Рима в творчестве поэта [Титаренко, 2012, с. 92]. По нашей гипотезе, это противопоставление «текста для посвященных» — «тексту для непосвященных» в «Cor Ardens» проявляет себя через «латинский код» — использование в раме текста латинского языка. Латинские цитаты и выражения отсылают к двум кар-

динально разным культурным парадигмам, в равной степени интересовавшим Вячеслава Иванова, — к Древнему Риму и к европейскому Средневековью, что позволяет понимать его тексты через двойную оптику восприятия.

Целью исследования стало выявление видов, форм и функций латинского кода в рамочном тексте сборника Вячеслава Иванова. С учетом научного и личного интереса Иванова к латинскому языку и древнему Риму в целом исследование латинского кода представляется актуальным и важным в контексте исследования творчества Иванова и влияния его на развитие отечественной литературы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Название всей книги и трех разделов из пяти («Cor Ardens», «Speculum Speculorum» и «Rosarium») — на латинском языке. Удельный вес «латинского текста» в книге является беспрецедентным: из 314 произведений, включенных в сборник, 31 текст имеют заголовок на латинском языке (для сравнения — 1 текст имеет заголовок на немецком, 6 — на итальянском и 1 — на греческом), в трех разделах присутствуют посвящения и эпитафии на латинском языке, причем присутствуют эпитафии, представляющие собой авторские стихотворения Иванова на латинском, переведенные им же на русский язык.

При всем многообразии исследований, посвященных творчеству Иванова вообще и «Cor Ardens» в частности (например: [Тюрина, 1997; Тюрина, 2003; Арефьева, 2012; Проскурина, 2001; Пучкова, 2021; Маштакова, 2014а; Маштакова, 2014б; Сергеева, 2004; Сергеева, 2009]), вопрос «латинского текста» в них не рассматривается. Это обуславливает научную новизну предпринимаемого исследования.

В целях выявления латинского кода и его семантической нагрузки в раме текста сборника Вячеслава Иванова «Cor Ardens» были выделены все части рамы: эпитафии, посвящения, заглавия, жанровые пометы и пр. С опорой на концепцию рамы текста [Ламзина, 2024; Кихней, Ламзина 2021] эти элементы были структурированы в иерархическом порядке: заглавия и посвящения пяти разделов книги и рама текста внутри стихотворений и циклов.

Далее в раме текста были вычленены элементы, связанные с латинским языком и латинской культурой — написанные на латинском языке цитаты и авторские строки Иванова, используемые им в качестве посвящений, заглавий и эпитафий. В выделенных фрагментах был прослежен внутренний метасюжет сборника, его имплицитный посыл «для посвященных», связанный с опытом переживания утраты близкого человека.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рамочный текст сборника «Cor Ardens»: названия разделов и циклов в книге

Сборник стихов «Cor Ardens» был создан Вячеславом Ивановым в 1907 году — в год смерти его супруги, Лидии Зиновьевой-Аннибал. Иванов посвятил сборник памяти Зиновьевой-Аннибал, и вынесенное в заглавие «пылающее сердце» («пламенеющее сердце») относится именно к ней. Поэт начал собирать книгу еще при жизни супруги и первоначально планировал три раздела — «Cor Ardens», «Speculum Speculorum» и «Эрос». Смерть супруги внесла коррективы в его планы: были написаны еще два раздела, один из которых отсылает к Петрарке и его «Канцонам на смерть», второй — к мистическому переживанию общения с умершей и воплощения умершей в живой.

Первоначальное название сборника на момент его создания звучало так же, как окончательное, однако в процессе работы Иванов обдумывал название «*Iris in iris*», о чем свидетельствует отрывок из его письма, ср. комментарий, представленный составителями сборника сочинений писателя: «Вскоре у В. И. являются сомнения в выборе заглавия; он собирается его переменить и назвать книгу — “*Iris in Iris*”. 9. 1. 1907 г. он пишет: “*Iris in Iris*” скоро выйдет. Сомов уже набросал предварительный эскиз обложки» [Иванов, 1974, с. 693]. Лагинское слово *Iris* имеет несколько значений [Дворецкий, 1996, с. 557] — это имя богини Ириды, богини радуги и вестницы богов, название цветка «ирис», а также обозначение радужной оболочки глаза. В восприятии Вс. Иванова значимым в структуре этого слова был смысловой компонент ‘радуга’, о чем свидетельствует его письмо 1907 года: «Не я виноват, а Сомов, что восстановлено прежнее заглавие *Cor Ardens* в противоречии с последним объявлением. Я ведь предоставил художнику вдохновляться идеей “Сердца” или “Радуги” по своему выбору. Эскизы Сомова к *Iris in Iris* его не удовлетворили. Готовую обложку он, вероятно, уже выслал. Рукопись моя почти готова, вышло на днях» [Иванов, 1974, с. 693].

Сочетание *iris in iris* представляет собой каламбур, в котором две омоформы принадлежат двум совершенно различным парадигмам: первое *iris* не идентично второму *iris*. Предлог *in* присоединяет к себе существительные со значением направления в винительном падеже и существительные со значением местонахождения в аблативе. Существительное в значении ‘богиня Ирида’ имеет наращение *Iris* — *Iridis*, соответственно, в косвенном падеже это наращение проявилось бы — «Ирида среди Ирид» звучало бы как *Iris in Iridibus*. В качестве имени нарицательного слово *iris* в аблативе образовывалось бы как *iribus*, то есть получилось бы выражение: *iris in iribus* («радуга среди радуг» либо «ирис среди ирисов»). Следовательно,

то слово *iris*, которое идет после предлога *in*, является аблативом множественного числа от *ira* ‘гнев’ (существительное первого склонения), и черновой вариант заглавия имеет смысл «Радуга в гневе» / «Ирида в гневе» (дословно — «в гневах»), что согласуется с оставленным в окончательном варианте образом «пламенеющего сердца».

В одноименном стихотворении “Iris in iris”, присутствующем в книге «Cor Ardens», прямо говорится о «гневах радуги»:

Над севами грады
Голубиные падают.
Над гневами радуги
Любимую радуют
Надеждой оратаев,
Небес соглядатаев [Иванов, 1974, с. 261].

При этом одна из частей «Cor Ardens» озаглавлена «Speculum speculorum» («зеркало зеркал»), где в одном словосочетании представлен как раз полиптотон: задействованы две различные формы одного и того же слова, а не идентичные омоформы. Иванов в рамочном тексте сборника, таким образом, играет с читателем, отсылая к своему безупречному владению лагынью вплоть до умения составлять шутки-каламбуры, которые посвященный читатель должен уметь увидеть.

Отказ от заглавия «Iris in iris» в пользу «Cor Ardens» символизирует также предпочтение «горения» — «гневу». Чувство гнева часто описывается в античной культуре — например, гнев Ахиллеса, с которого начинается «Илиада», гнев Зевса / Юпитера, безжалостно расправляющегося с врагами и соперниками. «Горение», акцентируемое в окончательном варианте заголовка, не идентично гневу. Это может быть более позитивное, христианское чувство: горение как страдание, желание помочь — что впоследствии и акцентируется в тексте.

Первая часть «Cor Ardens» озаглавлена «Ecce Cor Ardens» («вот пылающее сердце»), что отсылает к фразе Понтия Пилата «Ecce homo» («се человек»). В 19 главе Евангелия от Иоанна, в 5-м стихе Понтий Пилат говорит: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Иоанн, 19) [Библия, 2019, с. 1394]. Этой фразой он подчеркивает именно человеческую природу Иисуса, так как при этом он указывает на его раны и страдания. На соответствующей картине Тициана «Ecce Homo» 1543 года показано, как к толпе выводят едва держащегося на ногах израненного Иисуса, а Понтий Пилат, глядя на собравшуюся толпу, показывает на него.

Под образом «пылающего сердца» Иванов понимал свою супругу, что эксплицитно отражено в посвящении:

той, чью судьбу и чей лик
я узнал в этом образе мэнады
«с сильно бьющимся сердцем»
ΠΑΛΛΟΜΕΝΗΣ ΚΡΑΔΙΝΗ
— как пел Гомер —
когда ее огненное сердце
остановилось [Иванов, 1974, с. 225].

Соответственно, используя формулу с *Esse*, Иванов указывает на страдания Лидии Зиновьевой-Аннибал — не только в отношении болезни, от которой она умерла, но в целом в отношении ее служения людям и самоотдачи. Это и предопределяет отказ в заголовке всей книги от идеи гнева в пользу идеи горения. Первоначально сборник задумывался как книга лирики, посвященная живой Лидии Зиновьевой-Аннибал, правки в композицию и рамочный текст были внесены уже после ее смерти. Первый вариант содержал три раздела и заканчивался на «Эросе» [Иванов, 1974, с. 693].

Смысл заглавия второго раздела, «*Speculum speculorum*», Иванов сам поясняет в статье «Религиозное дело Вл. Соловьева»: «Человек, в тварном сознании зависимости познания своего от некоей данности, кажется себе самому похожим на живое зеркало. Все, что познает он, является зеркальным отражением, подчиненным закону преломления света и, следовательно, неадекватным отражаемому. Правое превращается в этом отражении в левое, и левое в правое; связь и соразмерность частей остались те же, но части переместились, фигура отражения и проекция отражаемого тела на плоскости не наложимы одна на другую, в том же порядке сочетания линий. Как восстанавливается правота отражения? Через вторичное отражение в зеркале, наведенном на зеркало. Этим другим зеркалом — *speculum speculi* — исправляющим первое, является для человека, как познающего, другой человек. Истина оправдывается только будучи созерцаемой в другом...» [Иванов, 1974, с. 711]. Таким «зеркалом зеркала», другом и соратником, Иванову представляется, очевидно, Брюсов: «*Speculum speculorum*» посвящено Валерию Брюсову, и посвящение также написано на латинском языке:

“*Immutata dolo speculi recreatur imago
adversis speculis integram ad effigiem*”
Валерию Брюсову
Sanctae mnemosynon sodalitatıs.

(«Не измененный хитростью зеркала образ воссоздается в целостности в противопоставленном зеркале» ... в память о священной дружбе) (перевод наш. — А. Л.).

Образ зеркал, отражающих друг друга, у Вячеслава Иванова отсылает к воссозданию образа в его неискаженном варианте. Впоследствии у его однофамильца Георгия Иванова было представлено противоположное прочтение данной метафоры:

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.
[Иванов, 1994, с. 321].

«*Speculum specula*» — «зеркало зеркала», то есть один человек по отношению к другому человеку. Иванов в заголовке использует родительный падеж множественного числа — *speculorum*, указывая на то, что таких «зеркал» в его жизни было много.

В «*Speculum speculorum*» собраны стихотворения, посвященные друзьям Иванова, постоянным посетителям «Башни». Размещая их в этом разделе, автор подчеркивает роль друзей как взаимноотражающего зеркала. Супруга поэта, Лидия Зиновьева-Аннибал, также была одним из таких «зеркал», в котором он находил одно из отражений своих идей.

Третий раздел книги «*Cog Ardens*» назван «Эрос» (на русском языке), и он не содержит в себе ни одного стихотворения с латинским заглавием (и только одно с посвящением на латыни). В текстах, включенных в «Эрос», очень много отсылок к греческой мифологии: в раме и непосредственно в теле текста упоминаются Гермес, Вакх, непосредственно Эрос, Иокаста и т. д. В целом «Эрос» стоит особняком в сборнике: туда Иванов намеренно собрал «греческие» стихотворения, и в центральной книге «*Cog Ardens*» «латинский код» как бы прерывается.

Далее, в четвертой книге автор возобновляет раму текста на латинском языке. Книге «Жизнь и смерть» предпослан эпиграф на латинском языке с авторским переводом в примечании:

«Краткий срок разлучения, долгий срок единения во славу Господа.

Все, протерпевшие долю земную, придут сюда, жизнью истощенные. Вы освещаетесь в днях. Агнец Божий, Спаситель мира, сподоби нас явиться чистыми на Вечерю Твою.

Чистой водою омой наши ноги, очисти грехи тяжкие очистительным огнем» [Иванов, 1974, с. 839].

Данный текст, написанный Ивановым, стилизует библейские тексты, в том числе и в переводе: он содержит такие слова, как *агнец*, *вечеря* и прочие номинации, которые отсылают к контексту псалмов и других текстов библейского корпуса. Данный авторский текст актуализирует идею воскресения бессмертной души: Иванов вновь оплакивает свою супругу и обращается к мысли о ее смерти.

Подзаголовок четвертого раздела «Канцоны и сонеты, посвященные имени Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал» отсылает к аналогичному заголовку книги Петрарки, и эпитафия к «Канцоне первой» четвертой книги на итальянском языке взят из первой канцоны Франческо Петрарки на смерть Лауры. В четвертой книге практически не представлен рамочный текст на латинском языке: заглавия Иванов дает на русском языке, эпитафии к стихотворениям — на итальянском. При этом небольшое эпилоговое стихотворение, завершающее четвертую книгу, написано автором на латинском языке. Анализируя книгу «Любовь и смерть», Л. Г. Панова указывает, что рама текста содержит переключки с Петраркой: «Подражая Петрарке, Вяч. Иванов обрамил стихи латынью: в зачине это гимн, а в заключении — проза <...> Ее самая последняя, метатекстуальная, фраза “EXIT LIBER DE AMORE ET MORTE”, об окончании книги о любви и смерти, отсылает к знаменитому началу “Новой жизни” — метафоре книги памяти, а также латинской фразе “Incipit vita nova”» [Alighieri, 2010, с. 33]. «Идея соединительного прозаического текста по принципу “Новой жизни” Иванову была подсказана Кузминым, но этим советом он, как мы только что видели, распорядился по-своему» [Панова, 2019, с. 49]. Таким образом, «латинский код» четвертой книги «*Cor Ardens*» является отсылкой к Петрарке, а через использование его мотивов стало возможным выражение бесконечной любви к своей утраченной возлюбленной, не иссякшей после ее смерти.

Пятый раздел «*Cor Ardens*» называется «*Rosarium*» (розарий), и в нем преобладает образ розы (роз). Как первый раздел пронизан образами сердца и солнца, что соединяет в себе авторский образ «пылающего сердца», так пятый раздел постоянно задействует образ розы. В раме текста самой книги присутствует посвящение «*Ad Rosam*» (К розе), в названиях стихотворений на русском и на латинском языке используется слово «роза» («Роза Меча», «Роза Преображения», «*Cor Ardens Rosa*» и пр.).

Таким образом, «большая» рама текста «*Cor Ardens*» включает в себя значительное количество слов и выражений на латинском языке, причем Вячеслав Иванов сознательно работает с «латинским кодом», то «включая», то «выключая» его: в книге «*Эрос*», содержащей в себе большое количество греческих мотивов, латинский рамочный текст отсутствует. Общий рисунок «латинского кода» указывает на личность Лидии Зиновьевой-Аннибал, неравнодушного человека («пылающее сердце»), верного соратника («зеркало зеркал»), пылкой возлюбленной («*эрос*»), вечной возлюбленной после смерти («книга любви и смерти») и вошедшей в бесмертие через мистический образ розы («розарий»).

Далее рассмотрим латинский код в «малой» раме текста, то есть в заглавиях, эпитафиях и посвящениях стихотворений, входящих в состав «Cor Ardens»”.

3.2. Рамочный текст стихотворений, входящих в различные разделы сборника «Cor Ardens»

В первом разделе «Cor Ardens» первый элемент латинского кода в раме текста содержит стихотворение «De profundis» («Из глубины»), название которого цитирует псалом 129 «Из глубины воззвах» (на латинском языке «De profundis clamavi») [Библия, 2019, с. 742].

В качестве эпитафия к «De profundis» Иванов вставляет четверостишие на латинском языке собственного сочинения:

Sole splendidior, candidior nive
Subtilique minus subditus aethere
Vitae corporeae condicionibus
Arcanus morituri incola pectoris [Иванов, 1974, с. 237].

Этот текст переведен автором в примечаниях в конце книги (где содержатся переводы не всех включенных в “Cor Ardens” текстов на иностранных языках. Иванов озаглавил данное примечание «Переводы важнейших иноязычных текстов» [Иванов, 1974, с. 838] и дал следующий авторский перевод данного эпитафия:

Ярче солнца, снега белее,
менее легчайшего эфира
подвластный законам плоти мирской —
тайный насельник смертной груди [Иванов, 1974, с. 838].

Ключевым словом данного четверостишия является слово *incola* «житель» — имеется в виду бессмертная душа, которая проживает в груди смертных людей. Эта душа белее снега, ярче солнца и неподвластна ограничениям земной жизни. С учетом отсылки к псалму «De profundis», в тексте которого бессмертная душа ожидает Господа сильнее, чем сторож — утренней зари, можно заключить, что Иванов пишет стихотворение, актуализирующее образ бессмертия в смертном человеке. Четвертая строфа данного стихотворения практически полностью воспроизводит латинское четверостишие автора:

Есть некий бог во мне, — так с Солнцем спорит прах,
Тебя лучистой и светлее,
Воздушней, чем эфир, рассеянный в мирах,
И снега белого на девственных горах
Пречистой белизной белее! [Иванов, 1974, с. 237].

Поскольку текст четверостишия на латинском языке является авторским, следует признать, что Иванов извлек из текста ключевой образ и вставил в качестве эпиграфа к самому тексту. Это актуализирует образ бессмертия души, волновавший его в контексте утраты любимой супруги.

Далее латинский рамочный текст проявляется в заголовке стихотворения «*Populus-rex*» («народ-царь») из цикла «Година гнева». Иванов впервые опубликовал данное стихотворение в журнале «Вопросы жизни» в 1905 году [Иванов, 1974, с. 703], и оно, несомненно, было реакцией на революционные события. Стихотворение подписано датой «18 октября 1905 года», то есть на следующий день после обнародования знаменитого манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка».

В этом же цикле содержатся два стихотворения, в рамочном тексте отсылающие к Вергилию: «*Sacra fames*» («Святая жажда») — это крылатое выражение из текста «Энеиды», которое полностью звучит как «*Auri sacra fames*» («священная жажда золота»). Иванов сознательно отсекает первое слово, говоря не только о жадности, но и о нужде, провоцирующей жажду и голод (слово *fames* может означать также ‘голод’ [Дворецкий, 1996, с. 415]):

Мудрость нудит выбор: «Сытость — иль свобода».

Жизнь ей прекословит: «Сытость — иль неволя».

Упреждает Чудо пламенная Воля;

Но из темной жизни слабым нет исхода.

Мудрость возвещает, что Любовь — Алканье.

Жизнь смеется: «Голод — ненависть и злоба».

И маячит Слова нищее сверканье

Меж дааньем хлеба и зияньем гроба [Иванов, 1974, с. 255].

События октября 1907 года Иванов воспринял одобрительно, о чем свидетельствует следующее после «*Sacra fames*» стихотворение «Люцина», также с эпиграфом из Вергилия. Люцина — это второе имя богини Дианы (Артемиды), а цитата «*fave, Lucina*», использованная Ивановым в эпиграфе, взята из IV Эклоги Вергилия из книги «Буколики». Полностью контекст стихотворения звучит следующим образом: “*casta fave Lucina: tuus iam regnat Apollo*” [Вергилий, 1979, с. 39] / безмолвствуй, дева Люцина: теперь уже твоим царством правит Аполлон (перевод наш. — А. Л.). Цитата отсылает к образу «золотого века» в будущем, являющемуся новацией Вергилия: «Ко времени написания эклоги (40 г. до н. э.) кончался круг Дианы (железный век) и начинался новый круг — Аполлона, в котором ожидалось возвращение золотого века, некогда уже бывшего на Земле и ушедшего вместе с кругом Сатурна (в античной поэтической традиции

до Вергилия золотой век — всегда прошлое). Историческое основание для ожидания Золотого века — мир, заключенный между Октавианом и Антонием, дававший надежду на спокойные времена и расцвет Италии» [Вергилий, 1979, с. 458]. Стихотворение «Люцина» подписано датой «на новый 1906 год», что указывает на восприятие Ивановым нового года как наступления новой жизни, новой эпохи — светлого века Аполлона. Политические события 1905 года, таким образом, были восприняты Ивановым положительно: приветствуя манифест, поэт видит в нем символ новой эры.

Первый раздел сборника «*Cor Ardens*» завершается незаконченным сонетом «*Exit Cor Ardens*» («заходит пылающее сердце»), который отсылает к рамочному тексту книги сонетов Петрарки — «*Exit liber...*». Сонет обрывается на двух катренах, терцин нет — так Иванов демонстрирует бесконечную скорбь по смерти Лидии Зиновьевой-Аннибал, жизнь которой оборвалась слишком рано. Последние шесть строк представлены отточиями: завершение жизни возлюбленной супруги осталось ненаписанным.

Книга «*Speculum Speculorum*» открывается циклом «*Arcana*» («Тайны» [Дворецкий, 1996, с. 90]), который, в свою очередь, начинается со стихотворения «*Carmen saeculare*» («Вековая песня» — песня, которая исполнялась во время празднеств, знаменующих окончание одного века и начало следующего, так называемых «секулярных игр» [Дворецкий, 1996, с. 892]). В «*Carmen saeculare*» входят 4 части с латинскими названиями: «*Subtile virus caelitum*» («Тонкий небесный яд»), «*Vitiato melle cicuta*» («Оскверненная медом цикута»), «*Adamantia proles*» («Стальное племя»), «*Aevum aetheregium*» («Небесный век»). Вкупе с эпитафией к стихотворению на русском языке эти четыре заглавия отсылают к четырем периодам в истории человечества: «Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных, коим повелел Бог ведать всю сию громаду вселенной; их же светила зримые и имена на языке небесном суть: Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офиель, Фил. И правительствует каждый лет 490. Владычествовал Бефор от 60 г. до Рождества Слова по 430 г.; ему наследовал Фалег до 920 г.; Фалегу Ох до 1410 г. Хагиф царствует по 1900 г.; оттоле Офиель» [Иванов, 1974, с. 286]. В эпитафийном стихотворении вынесена цитата из Корнелия Агриппы — немецкого окультиста и алхимика, к произведениям которого неоднократно обращался Валерий Брюсов в романе «Огненный ангел». В письме Брюсову Иванов упоминает о «*Carmen saeculare*», говоря: «Этим стихотворением обязан опять тебе: это ты показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами земли правит новый звездный демон» [Иванов, 1974, с. 712]. В четырех частях стихотворения Иванов описывает, таким образом, четыре эпохи, рубеж которых приходится как раз на 1900-е годы. Дата под стихотворением проставлена римскими цифрами, названия частей не переведены автором

в примечании, что усугубляет атмосферу стихотворения «для посвященного». Тема наступления новой эры согласуется с основными мотивами «Годины гнева» из первого раздела книги. Так Иванов еще раз указывает на наступление нового века, в первом случае считывая его через греческую мифологию, во втором — через средневековую мистику.

Также в «*Speculum speculorum*» входят отдельные стихотворения с заглавиями на латинском языке: «*Taedium phaenomeni*» («Тоска явлений»), «*Petronius Redivivus*» («Воскресший Петроний», посвященное В. Ф. Нувелю, музыканту и соавтору журнала «Мир искусства»). Последнее отсылает к образу Гая Петрония Арбитра — государственного деятеля и писателя, автора «Сатирикона». «Прекрасно образованный, он умел пользоваться жизнью и был в Риме авторитетом в области хорошего вкуса (поэтому его называли арбитром изящества — *arbiter elegantiarum* — отсюда и его прозвище), но он также хорошо исполнял свои обязанности консула (62 г.) и проконсула в Вифинии. В качестве знатока придворного этикета и отношений снискал симпатию и доверие Нерона в самых интимных делах» [Античные писатели ..., 1999, с. 119]. В тексте стихотворения Иванов прямо говорит о реинкарнации:

Ты был ли некогда Петроний
Вблизи Нерона своего,
Заступник вкуса, друг ироний,
Мой милый, мудрый *Renouveau*? [Иванов, 1974, с. 332].

«Петроний» — это было прозвище Нувеля на «средах» Иванова [Богомолов, 2009, с. 196]. Нувель был большим другом Михаила Кузмина, с которым вместе они посещали «среды» Вячеслава Иванова, Кузмин носил прозвище «Антиной» [Богомолов, 2009, с. 196]. Иванов, возможно, под «Нероном» нового Петрония понимает именно Кузмина, что подтверждается и композицией сборника: следующее за «*Petronius Redivivus*» стихотворение «Анахронизм» посвящено М. Кузмину.

Стихотворение «*Consolatio ad sodalem*» («Утешение товарищу») сопровождается эпиграфом из стихотворения еще одного постоянного участника «сред» — поэта Юрия Верховского. Иванов и Верховский обменивались поэтическими посланиями с обоюдными посвящениями, что и продемонстрировано в «*Consolatio ad sodalem*».

В конце части «*Speculum speculorum*» присутствуют стихотворения с латинскими заглавиями: «*Leoni aquila alas*» («Льву крылья орла») [Иванов, 1974, с. 353] и стихотворение, названное авторской строкой гекзаметра «*Campus aratra vocat, fatalia fert iuga virtus*» («Поле зовет плуг. Роковое иго несет сила благая») [Иванов, 1974, с. 353]. Последнее посвящено

И. М. Гревсу — другу Вячеслава Иванова, историку, специалисту по древнеримской системе землевладения.

Авторский перевод строки не вполне соответствует оригиналу: слово *aratrum* ‘плуг’ [Дворецкий, 1996, с. 70] стоит во множественном числе: «Поле зовет плуги». Это никак не объясняется вопросами стихотворного размера, использованного автором — в строку так же подошло бы и слово *aratrum* в единственном числе. Слово *virtus*, переведенное автором как «сила благая», означает просто «силу, энергию», и в то же время «доблесть, добродетель» [Дворецкий, 1996, с. 827]. Стихотворение состоит из двух частей — сонетов, в которых автор обращается к идее совместного труда за плугом и возврата к тем временам, когда «ты был мне брат — привратник Рима» [Иванов, 1974, с. 353]. Тем самым Иванов указывает на некое родство душ с Гревсом и соратничество в прошлом, о возврате к которому говорит заголовок текста.

Следующее стихотворение «Ultimum vale» («Прощай в последний раз») также имеет посвящение Иннокентию Анненскому, с которым Иванов обменивался посланиями в стихах. Анненский посвятил Иванову стихотворения «Мифотворцу — на башню» и «Другому» [Галанина, 2010, с. 484], Иванов, в свою очередь, в ответ ему написал «Ultimum vale», вошедшее в «Cor ardens».

В целом, рамочный текст «Speculum speculorum» указывает, главным образом, на дружеские связи поэта с другими авторами, посещавшими «башню» Иванова, общавшимися с ним. Стихотворения, как можно предположить, отсылают к дружеским беседам, которые Иванов вел со своими знакомыми и посетителями «сред».

В следующей части «Cor ardens», «Эрос», как было указано выше, принципиально отсутствует «латинский код» в рамочном тексте. Называя в четверостишии-посвящении свою супругу ее «греческим» прозвищем *Диотима*, принятым на «средах», Иванов эксплицитно указывает на «греческую» природу данной части своего сборника. Первое стихотворение «Эроса», «Земля», также посвящено «Диотиме» [Иванов, 1974, с. 363], и далее по всему тексту указанной части как в рамочном, так и в основном тексте присутствуют греческие мотивы: стихотворения носят названия «Сирена», «Вызывание Вакха», «Симпосион», «Антэрос», «Гермес» и пр. Единственный фрагмент на латинском в книге «Эрос» — посвящение “ad Lydiam” в X сонете из цикла «Золотые завесы». Сонет посвящен имени «Лидия», обыгрывается именно звучание имени, а не прозвища:

Что в имени твоём пьянит? Игра ль

Лидийских флейт разымчивых, и лики

Плясуний-дев? Веселий жадных клики —

Иль в неге возрыдавшая печаль? [Иванов, 1974, с. 388].

Во вторую часть «*Cor Ardens*» входят две книги — «Любовь и смерть» и «*Rosarium*». Эпиграф «Любви и смерти» вновь активизирует латинский код и одновременно отсылает к книге Франческо Петрарки, на что эксплицитно указывает и полностью приведенная в тексте I Канцона Петрарки на смерть Лауры.

В «Любви и смерти» часто встречаются вставки на итальянском языке (как отсылка к Петрарке), ср.:

В одно кольцо сольются кольца скоро,
И с Вечностью запретный Мигу брак
Свершится. «*Sempre*, слышишь?» — «Слышу. *Ora*».

(*Ora* — «сейчас», *Sempre* — «всегда» на итальянском языке) [Иванов, 1974, с. 424].

У сонетов также присутствуют эпиграфы из Петрарки на итальянском языке, и в целом в раме текста внутри «Любви и смерти» гораздо больше итальянских отсылок, чем латинских. Вся книга «Любовь и смерть» завершается авторским стихотворением на латинском языке с переводом Иванова:

AMOR BEATAM ME VOCAT NON PERPERAM
DOLENS. EAMNE NOS BEATITUDINEM
UT SIMUS UNA OREMUS? AN UT UNA DEO
INSERVIAMUS? NUNC AMOR CAELI BEAT.
DUM NE BEATITUDINEM TURBES DEI
INSCITIA DONUMQUE ODORIS EFFLUAT.
ERGO BEATAM ME VOCET DOLOR PIUS [Иванов, 1974, с. 445].

Этот текст относится к «важнейшим», которые автор переводит для читателей сам. Перевод Иванова звучит следующим образом: «Любовь счастливою меня зовет ненапрасно страстнáя. Не о том ли благе, чтоб воедино стать, мы молим? И, став воедино, Господу служить? Ныне любовь небесная счастье приносит. Только бы не оскорбить любви Господней неразумием; только б не утратить даров благоуханий. Потому, да зовет меня счастливою страданье вероносное» [Иванов, 1974, с. 840].

Стихотворение написано от лица женщины, и его авторский перевод содержит несколько неточностей по сравнению с оригиналом: так, слово «страстнáя» как определение любви (*amor*) в оригинале — *dolens*, причастие от глагола *doleo*, означающего ‘испытывать боль, страдать’ [Дворецкий, 1996, с. 264]. Любовь в переводе «страстнáя», в оригинале — «мучительная». Иванов принял решение выбрать нетривиальное определение, связывающее контекст со Страстной Неделей, неделей мучения перед смертью.

Далее, «воедино» в русском переводе передано наречием, в латинском тексте используется слово *una* — числительное «один» в женском роде, то есть «стать одной», «став одной, Господу служить». В тексте на латинском языке как будто бы опущено еще одно существительное, «одной сущностью» (*substantia*), Возможно, также элиминировано слово «андрогин», которое в латинском языке могло быть как мужского, так и женского рода [Дворецкий, 1996, с. 57]. Стихотворение на русском языке, предшествующее стихотворению на латинском, говорит о слиянии супругов в единое целое:

Последний знак, и будут два — одно:
Зане двоим, кто на одной постели
Вкушали нег Господнее вино
И смертный оцт, в неразлученном теле
Свершиться и воскреснуть суждено... [Иванов, 1974, с. 444].

При сопоставлении оригинала и перевода выявляется также несоответствие форм глагола во фразе «Только бы не оскорбить любви Господней неразумением; только б не утратить даров благоуханий». В переводном тексте Иванов использует безличные конструкции, в оригинале — «только бы ты не взволновал любви Господней неразумением» (*turbes* — конъюнктив 2 лица единственного числа от глагола *turbo* [Дворецкий, 1996, с. 790]), «только бы он (она) не рассеял бы божественный дар» — глагол *effluere* («вытекать, растекаться, исчезать» [Дворецкий, 1996, с. 275]) стоит в форме 3 лица, то есть в диалоге между «я» и «ты» появляется некто третий — тот, кто мог бы рассеять дары Бога. Известно, что Вячеслав Иванов поддерживал и развивал идею тройственного союза — «третьим» в данной истории может быть, например, тот, кто вместе с супругами участвовал в браке. В. Паперный указывает, что в разные периоды эту роль играли С. Городецкий и М. В. Сабашникова [Паперный, 2008, с. 213]. Также в роли «третьего» после смерти Зиновьевой-Аннибал может выступать и ее дух, персонализированный самим Ивановым, а также ее дочь, падчерица Иванова, Вера Шварсалон: «Как известно, после безвременной смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, наступившей в октябре 1907 года, Иванов в течение довольно продолжительного времени поддерживал оккультные контакты с духом покойной, причем контакты эти были окрашены всеми возможными красками эротического — от самых спиритуально-сублимированных до самых физиологически-грубых. Сложность возникшей ситуации заключалась также в том, что, по-видимому, еще до того, как оккультный эпилог его романа с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал завершился, Иванов вступил в брачные отношения с ее дочерью и своей падчерицей — Верой Шварсалон, которые он реализовал раньше, чем официально оформил

(и здесь тоже, один за другим, были нарушены многие моральные запреты). Начиная свой новый брак в условиях мистической незавершенности брака со старой женой и вступив по этому поводу в своего рода мистические переговоры с ней, Иванов, таким образом, вновь сконструировал — уже как бы невольно — свою эротическую жизнь как соединение Трех. И в этой новой тройственной конструкции было новое расширение ивановского нигилизма — нарушение моральных и поведенческих запретов, налагаемых смертью» [Паперный, 2008, с. 213].

Пятая книга «*Cor Ardens*», имеет название на латинском языке — «*Rosarium*» — и отсылает к образу розы, который многократно повторяется в рамочном тексте стихотворений. Так, в сборник входят произведения, названные на латинском языке: «*Ad Rosam*» («К Розе»), «*Turris eburnean*» («Башня из слоновой кости»), «*Cor Ardens Rosa*» («Пылающее сердце розы»), «*Signum Rosae*» («Знак Розы»), «*Rosa Centifolia*» («Столистая роза»), «*Cruce Amoris*» («Крест любовью»), «*Cruce Florida*» («Цветущий крест»), «*Rosa in Cruce*» («Роза на кресте»), «*Sol Incarnatus*» («Воплощенное солнце»), «*Rosa Sofia*» («Роза София»), «*Saturnia Regna*» («Царство Сатурново»), «*Sub Rosa*» («Под розой»), «*Ultima Cera*» («Завещание»).

Также в разделе «*Rosarium*» присутствует большое количество стихотворений со словом *Rosa* в названии на русском языке: «Роза Меча», «Роза Преображения», «Роза Союза», «Роза Возврата», «Роза Трех Волхвов», «Роза обручения», «Роза Вечных Врат», «Роза Огня», «Роза Горы Кармела», «Роза Царицы Савской», «Роза Крови», «Роза Царского Сына», «Роза Пчелиного Жала», «Роза Диониса» и пр. Автор тем самым создает действительно «розарий» — совокупность различных «роз», «цветник». Слово *роза* многократно встречается и в текстах самих стихотворений:

Если, хоть раз, видел твой взор — огни розы,
Вечно в душе живы с тех пор — огни розы.

Сладкая мгла доли томит, глухой пурпур...

Жди: расцветут, вспыхнув меж гор, огни розы [Иванов, 1974, с. 459].

В цикле сонетов «Розы в Субиако» второй сонет предваряется эпиграфом из Франциска Ассизского «*Noli eos esse meliores*» — «Не [желай] им быть лучшими» (эту цитату использует в своем произведении 1911 года «Без шапки» А. М. Ремизов, и в его трактовке она переведена как «Не желай, чтобы они были лучше»). Фраза взята из «*Epistula ad Ministrum*» («Послания к министру») Франциска. «В этом послании св. Франциск отвечает брату, который обратился к нему за советом в минуты духовного кризиса, приведшего его к мысли оставить свое служение и уйти в пустынь.

Св. Франциск, тонко чувствуя состояние души брата, просит его воспринимать все, что бы с ним ни происходило, как дар из рук Божиих, стремясь убедить, что жизнь в повседневных трудах и заботах, страданиях из-за несправедливых обид лучше и более ценна в очах Господа, чем пустынножителство. В этом заключалось одно из фундаментальных положений нового монашества: не побег из мира, но стойкое пребывание в нем и утверждение своих идеалов несмотря ни на какие искушения» [Франциск, 1995, с. 188]. Сонет Иванова, предпосланный соответствующим эпиграфом, содержит в себе послыл: «принимай мир таким, какой он есть»:

Возвеселись, и не ропщи, что зной
Должны палить и стужей веять вьюги;
Благослови на войнах кольчуги,
На пардах — пятна, и на соснах — хвои [Иванов, 1974, с. 498].

В целом, рамочный текст «Rosarium», многократно действующий образы розы и креста, отсылает к розенкрейцерам, изучение которых было чрезвычайно популярным в Серебряном веке [Колесников, 2011, с. 5]. Вячеслав Иванов глубоко заинтересовался тематикой розенкрейцеров как раз в 1907 году, и его увлечение поэтикой этого ордена перекликается с посмертным общением с супругой и последующим браком с ее дочерью: «Из дневника Иванова 1909 года видно, что эта символика приобретает и автобиографический смысл. Она связывает Иванова, с одной стороны, с покойной женой, Лидией Дмитриевной, а с другой — с Верой Константиновной Шварсалон. 28 июня он пишет: «Л[идия] сказала мне: “Один твой долг — Дорофея. Она должна образовать розу в кресте нашей любви”. ... “Дорофея” (этимологически “божий дар”), видимо, дочь Лидии — Вера, которую Лидия “дарит” своему мужу» [Иванов, 1990, с. 125].

Таким образом, тематика розы и креста подводит Иванова к закономерному выводу о преемственности, появлении “розы в кресте любви”: скорбь по умершей переходит к более светлому чувству принятия «Божьего дара», дочери Зиновьевой-Аннибал.

Также представляется, что в названии «Rosarium» и в использовании образа розы в стихотворениях и в раме текста присутствует еще одна важная для Иванова интертекстуальная отсылка. События, происходившие в жизни Вячеслава Иванова (брак с дочерью после смерти матери), во многом напоминают события, изложенные в рассказе Эдгара По «Морелла»: главный герой хоронит супругу, но с каждым днем отмечает в чертах дочери сходство с умершей. В итоге герой По начинает жить с дочерью, как бы заместившей мать, а когда и дочь умирает, обнаруживает, что она и была умершей супругой: тела первой умершей в склепе нет. В тексте По

присутствует упоминание о реалии древнеримской культуры. Перед смертью супруга говорит своему мужу: «Ибо часы твоего счастья миновали, и цветы радости не распускаются дважды в одной жизни, как дважды в год распускались розы Пестума» [По, 1972, с. 128]. Иванову фактически удалось увидеть «двойное цветение» роз Пестума — после счастливого брака с матерью вступить в не менее счастливый брак с дочерью. Вероятнее всего, многочисленные образы роз в последнем разделе сборника отсылают не только к символике розенкрейцерства, но и к этому образу «двойного цветения».

4. Заключение = Conclusions

Заголовочный комплекс стихотворных произведений и их сборников обладает большой обобщающей и смысло-протекторной силой. Частое использование латинского кода в раме текста сборника несет в себе большую функционально-смысловую нагрузку. Подытожим его художественные функции: 1) эзотерическая, крипто-грамматическая функция, отсылающая к практике мистического общения с умершей супругой; 2) неразрывно связанная с первой — избирательно-коммуникативная (послание «для посвященных» в противовес тексту «для профанов»); 3) символично-семантизирующая (заглавия разделов задают ключевые символы книги, код, через который она прочитывается — «сердце — зеркало — роза»); 4) интертекстуальная функция, позволяющая с помощью рамы ввести в текст как явные, так и скрытые отсылки к знаковым текстам на латинском языке и в целом к ключевым текстам мировой культуры.

Использование в качестве семантического путеводителя латинского языка позволяет ввести как античные, так и христианские коннотации: текст редуцируется в «зеркале зеркал», автор прямо указывает на множественную оптику прочтения и поливалентности смыслов. Полифония переводов (для тех, кто понимает латинский язык и может сопоставить авторские переводы с оригиналами) способствует расширению амплитуды смыслов и порождению бесконечного количества прочтений текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. — Москва : Никея, 2019. — 1600 с.
2. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий. — Пер. с латинского С. В. Шервинского. Комментарий Н. А. Старостиной. — Москва : Художественная литература, 1979. — 552 с.

3. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с.
4. *Иванов В. И.* Собрание сочинений в 4 томах / В. И. Иванов. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1974. — Т. 2. — 852 с.
5. *Иванов В. И.* Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. Публикация М. Вахтея / В. И. Иванов // Минувшее. — Париж : Atheneum, Феникс, 1990. — № 10. — С. 121—141.
6. *Иванов Г.* Собрание сочинений в 3 т / Г. Иванов. — Москва : Согласие, 1994. — Т. 1. — 656 с.
7. *По Э. А.* Морелла / Э. А. По ; Пер. И. Г. Гуровой ; Избранные произведения в двух томах. — Москва : Художественная литература, 1972. — Т. 1. — 416 с.
9. *Франциск* Ассизский, Святой. Сочинения. — Москва : Издательство Францисканцев, 1995. — Т. 1. — 288 с. — ISBN 5-87245-023-0.

Литература

1. *Арефьева Н. Г.* Дионисийские черты лирической героини в поэтическом сборнике Вячеслава Иванова “*Cor ardens*” / Н. Г. Арефьева. // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 11 (147). — С. 4—9.
2. *Башня* Вячеслава Иванова и культура Серебряного века / ред. В. Е. Багно и др. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 384 с. — ISBN 978-5-8465-0573-5.
3. *Белкин М. Е.* Античные писатели : Словарь / М. Е. Белкин, Е. Випшицкая-Браво. — Санкт-Петербург : Лань, 1999. — 448 с. — ISBN 5-8114-0104-3
4. *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах : документальные хроники / Н. А. Богомолов. — Москва : Intrada, 2009. — 286 с. — ISBN 978-5-87604-222-4.
5. *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) / Ю. Е. Галанина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, 2010. — Выпуск 1. — С. 469—493.
6. *Кихней Л. Г.* Специфика «рамочного текста» в книгах М. А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багряницей» / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Филологический класс. — 2021. — Т. 26. — № 3. — С. 112—124. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-10.
7. *Колесников С. А.* Церковь и художественная литература Серебряного века : диалог и противостояние / С. А. Колесников // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2011. — Т. 12. — № 24 (95). — С. 5—12.
8. *Ламзина А. В.* Заглавие в лирике серебряного века как способ моделирования диалога с культурной традицией / А. В. Ламзина // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века. Коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова. — Москва : Издательская группа «Юрист», 2024. — С. 241—250.
9. *Маштакова Л. В.* Книга стихов “*Cor Ardens*” Вяч. Иванова : особенности архитектоники / Л. В. Маштакова // IV Информационная школа молодого ученого. Всероссийская междисциплинарная молодежная конференция с международным участием, сборник научных трудов. — Екатеринбург : Уральский центр академического обслуживания, 2014а. — С. 97—103.
10. *Маштакова Л. В.* “*Cor Ardens*” Вяч. Иванова: поэтика заглавий пяти поэтических книг / Л. В. Маштакова // Движение времени и законы жанра. XVIII Всероссийская

научно-практическая конференция словесников. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014б. — С. 75—78.

11. *Панова Л. Г.* Италиянься, русея. Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Манделштама / Л. Г. Панова. — Москва : РГГУ, 2019. — 672 с. — ISBN 978-5-7281-2913-4

12. *Паперный В.* Вяч. Иванов : Между Чернышевским и Беме / В. Паперный // Universitas Tartuensis Humanoria : Littera Russicae / Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI : Новая серия. — Тарту : Тартуский университет, 2008. — С. 212—215.

13. *Прокураина В.* “Сог Ardens” : смысл заглавия и эзотерическая традиция / В. Прокураина // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 5 (51). — С. 10.

14. *Пучкова А. В.* Реализация концепции «всеединства» в сборнике Вячеслава Иванова “Сог Ardens” / А. В. Пучкова, С. С. Терехова // Казанская наука. — 2021. — № 7. — С. 23—25.

15. *Сергеева Е. В.* Вербализация художественного концепта «время» в цикле В. И. Иванова “Сог Ardens” / Е. В. Сергеева // Слово. Словарь. Словесность. К 225-летию основания Российской Академии. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009. — С. 300—304.

16. *Сергеева Е. В.* Особенности лексической экспликации концептов «свет» и «огонь» в поэзии В. Иванова (цикл “Сог Ardens”) / Е. В. Сергеева // Язык и межкультурная коммуникация. — Материалы 1 Межвузовской научно-практической конференции. — 2004. — С. 192—194.

17. *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко. — Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2012. — 654 с. — ISBN 978-5-9676-0486-7.

18. *Тюрина И. И.* Дионисийская концепция любви и смерти в сборнике Вяч. Иванова “Сог ardens” / И. И. Тюрина // Культура и текст. — 1997. — № 2. — С. 55—62.

19. *Тюрина И. И.* Дионисизм и идея житнетворчества у В. Иванова (личностно-биографический аспект) / И. И. Тюрина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2003. — № 1. — С. 35—39.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2024,
одобрена после рецензирования 18.02.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.*

Material resources

Dvoretzky, I. H. (1996). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian Language. 846 p. (In Russ.).

Francis of Assisi, Saint. Essays, 1. (1995). Moscow: Franciscan Publishing House. 288 p. ISBN 5-87245-023-0. (In Russ.).

Ivanov, G. (1994). *Collected works in 3 volumes, 1*. Moscow: Concord. 656 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1974). *Collected Works in 4 volumes, 2*. Brussels: Life with God. 852 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1990). From V. I. Ivanov’s correspondence with A. D. Skaldin. The publication of M. Vakhtel. In: *The past, 10*. Paris: Atheneum, Phoenix. 121—141. (In Russ.).

Poe, E. A. (1972). *Morella, 1*. Moscow: Fiction. 416 p. (In Russ.).

The Bible. (2019). *Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with parallel passages and appendices. In the synodal translation*. Moscow : Nikeya Publ. 1600 p. (In Russ.).

Virgil. (1979). *Bucolic. The Georgics. The Aeneid*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 552 p. (In Russ.).

References

- Arefieva, N. G. (2012). The Dionysian features of the lyrical heroine in Vyacheslav Ivanov's poetry collection "Cor ardens". *Bulletin of Orenburg State University*, 11 (147): 4—9. (In Russ.).
- Bagno, V. E. (ed.). (2006). *Vyacheslav Ivanov's Tower and the culture of the Silver Age*. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. 384 p. ISBN 978-5-8465-0573-5. (In Russ.).
- Belkin, M. E. (1999). *Ancient Writers: Dictionary*. Saint Petersburg: Lan Publ. 448 p. ISBN 5-8114-0104-3. (In Russ.).
- Bogomolov, N. A. (2009). *Vyacheslav Ivanov in 1903—1907: documentary chronicles*. Moscow: Intrada. 286 p. ISBN 978-5-87604-222-4. (In Russ.).
- Galanina, Yu. E. (2010). On some realities in the mythological space of the Vyach Tower. Ivanova (based on archival materials). In: *Vyacheslav Ivanov. Research and materials, 1*. Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House. 469—493. (In Russ.).
- Kihney, L. G., Lamzina, A. V. (2021). The specifics of the "framework text" in M. A. Zenkevich's books "Wild Porphyry" and "Under the meat purple". *Philological class*, 26 (3): 112—124. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-10. (In Russ.).
- Kolesnikov, S. A. (2011). The Church and fiction of the Silver Age: dialogue and confrontation. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 12 / 24 (95): 5—12. (In Russ.).
- Lamzina, A. V. (2024). The title in the lyrics of the Silver Age as a way of modeling dialogue with cultural tradition. In: *Metropolis and Diaspora: Alternative/Identical Worlds of twentieth-century Russian Literature. A collective monograph dedicated to the memory of Professor Vladimir Veniaminovich Agenosov*. Moscow: Lawyer Publishing Group. 241—250. (In Russ.).
- Mashtakova, L. V. (2014a). The book of poetry "Cor Ardens" by Vyacheslav Ivanova: features of architectonics. In: IV Information School of a young scientist. All-Russian Interdisciplinary Youth Conference with international participation, collection of scientific papers. Yekaterinburg: Ural Academic Service Center Printing House. 97—103. (In Russ.).
- Mashtakova, L. V. (2014b). "Cor Ardens" Vyach. Ivanova: Poetics of the titles of five poetic books. In: *The movement of time and the laws of genre. XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Wordsmiths*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 75—78. (In Russ.).
- Panova, L. G. (2019). *Italianasia, rusea. Dante and Petrarch in the Artistic Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam*. Moscow: RGGU. 672 p. ISBN 978-5-7281-2913-4. (In Russ.).
- Paperny, V. (2008). Vyach. Ivanov: Between Chernyshevsky and Boehme. In: *Universitas Tartuensis Humaniora: Littera Russicae*. Tartu: University of Tartu. 212—215. (In Russ.).
- Proskurina, V. (2001). "Cor Ardens": the meaning of the title and the esoteric tradition. *New Literary Review*, 5 (51): P. 10. (In Russ.).
- Puchkova, A. V., Terekhova, S. S. (2021). Realization of the concept of "unity" in Vyacheslav Ivanov's collection "Cor Ardens". *Kazan Science*, 7: 23—25. (In Russ.).

- Sergeeva, E. V. (2004). Features of the lexical explication of the concepts “light” and “fire” in V. Ivanov’s poetry (cycle “Cor Ardens”). *Language and intercultural communication. Materials of the 1st Interuniversity scientific and Practical Conference*. 192—194. (In Russ.).
- Sergeeva, E. V. (2009). Verbalization of the artistic concept “time” in V. I. Ivanov’s cycle “Cor Ardens”. In: *Word. Dictionary. Literature. On the 225th anniversary of the founding of the Russian Academy*. Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 300—304. (In Russ.).
- Titarenko, S. D. (2012). *“Faust of our Century”: The Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov*. St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”. 654 p. ISBN 978-5-9676-0486-7. (In Russ.).
- Tyurina, I. I. (1997). The Dionysian concept of love and death in the collection of Vyach. Ivanova “Cor ardens”. *Culture and text*, 2: 55—62. (In Russ.).
- Tyurina, I. I. (2003). Dionysizm and the idea of life creation in V. Ivanov (personal and biographical aspect). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1: 35—39. (In Russ.).

*The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.*